

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ НУЖНА. ВСЕМ. КРОМЕ ЭКОНОМИСТОВ?

О.Ю. МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики,
Заслуженный деятель науки РФ,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

В статье исследуется, как экономическая теория, фактически изгнанная из вузовской аудитории в статусе учебной дисциплины, возрождается в виде научной системы; рассматриваются фундаментальные тенденции современной экономики в координатах экономической теории; анализируется развитие экономической науки; показано, что социальное познание – сложнее естественнонаучного; развитие экономической теории предстает как схватка фундаментальных парадигм; показаны проблемы поиска современной экономической теории; автор размышляет о причинах появления у экономистов «комплекса неполноценности»; в итоге автор приходит к выводу, что уж лучше не иметь никакой экономической теории, чем плохую.

Ключевые слова: современная экономическая теория; фундаментальные тенденции современной экономики в координатах экономической теории; развитие экономической науки; сложность социального познания; движение экономической мысли как схватка фундаментальных парадигм; проблемы поиска современной экономической теории; причины появления у экономистов «комплекса неполноценности».

EVERYONE NEEDS ECONOMIC THEORY. EVERYONE. EXCEPT FROM ECONOMISTS?

O.Yu. MAMEDOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Head of the Department of Political Economy and Economic Policy,
Honoured Worker of Science of the Russian Federation,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

The article examines how economic theory that had been in fact banished, as the academic discipline, from the university auditoriums, is now reviving as a scientific system; fundamental trends in modern economy in the coordinates of economic theory are described; development of economics is analyzed. The author shows that cognition in humanities is far more complex process than in the natural sciences; the development of economic theory is viewed as the scramble of fundamental paradigms. Problems related to search of modern economic theory search are defined; the author reflects on the reasons why «inferiority complex» emerges among modern economists; in the end, the author concludes that it is better not to have any economic theory at all than to have the bad one.

Keywords: modern economic theory; fundamental trends of the modern economy in the coordinates of the economic theory; development of economic theory; complexity of social knowledge; development

of economic thought viewed as the scramble of fundamental paradigms; problems related to modern economic theory search; the causes of economists' «inferiority complex».

JEL classifications: A11, A20, B41.

Каждого обществоведа, рано или поздно, искушает грех гордыни – в момент, когда обществовед начинает мнить себя обществоведом. С этого момента общественные науки начинают разделять судьбу «ведомого» ими (как им кажется) общества.

Увы, драматические перипетии огосударственной в советское время политической экономии ничему не научили отечественных экономистов, которые, игнорируя социальную природу экономических процессов, выдают эти процессы за «производственные», а себя – за «производственников». А затем все удивляются, почему великолепные производственные рекомендации отвергаются экономической практикой.

Потаенная выгода «производственного» перфоманса экономистов несомненна – она позволяет погрузиться в безопасную технологию производства (правда, в производственной компетенции экономистов есть большие сомнения), спрятавшись от подлинных экономических проблем¹.

Неизбежной жертвой отмеченных процессов стала... экономическая теория – число студентов на отделениях экономической теории сокращается (как и объем выделяемых на нее часов), фактически ликвидированы курсы по экономической истории (равно как и подготовка специалистов по этим наукам), а подготовка диссертаций по экономической теории вообще превратилась в экзотику (вместе с соответствующей специализацией диссертационных советов).

В этой ситуации, можно не сомневаться – экономические процессы, оставшиеся без научного отражения, обязательно приобретут стихийный, непредсказуемый для «теоретически-ослепшего» общества характер, со всеми вытекающими отсюда разрушительными последствиями.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ – СЛОЖНЕЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО

Основная сложность познания экономики порождается ее исторической природой, поскольку движение общественного производства является, по точному определению К. Маркса, *естественно-историческим процессом*. Другими словами, экономической организации производства присуща социально-детерминированная пространственно-временная изменчивость. Непонимание объективной заданности такой изменчивости является источником как теоретических спекуляций, так и практических химер (например, поиска некоего «особого пути», ведущего к некой «особой экономике»; у всякого, кто имеет хотя бы начальное понимание «экономики» и основ научного познания, такие поиски вызывают просто оторопь).

Однако имеется еще одна, мало кем осознаваемая (и потому не привлекающая внимание) проблема разработки «внутринаучной гносеологии», проблема, возрастающая значимость которой обнаруживается по мере забвения политико-экономической методологии². В чем суть этой проблемы?

Каждая наука фактически сводится к системе теоретических представлений (парадигм) о сущности и специфике изучаемого ею объекта. Общеизвестные теоретические представления в дальнейшем приобретают, как правило, статус «официальной парадигмы». А это значит, что они становятся теми ограничениями, только в границах которых могут возникнуть новые знания.

¹ Между прочим, так поступали советские историки в опасные для исторической науки времена, предпочитая бродить по эпохам Древнего Востока или Древнего Рима.

² См. подр.: (Мамедов, 2003).

В гносеологическом аспекте это означает, что в механизме движения науки появляется особая стадия – стадия «парадигмизации» новых знаний. И достигается это посредством приведения новых знаний в соответствие с устоявшимися базовыми парадигмами данной науки.

Если же новое знание не укладывается в границы господствующих парадигм, то это оборачивается неизбежной революцией в науке. Но эта революция носит невидимый, внутринаучный характер, так как принимает форму смены парадигм, когда старые парадигмы с большим или меньшим скандалом уступают место новым парадигмам.

В такой ситуации возникает резонный вопрос – до каких пределов может зайти смена парадигм? Как далеко можно двигаться по пути смены парадигм?

Ведь вполне возможно, что новая парадигма окажется настолько новой, что перед нами фактически будет другая наука, а от прежней останется только ее старое название. В результате возникает особая внутринаучная коллизия – сложные отношения новых знаний со старыми парадигмами.

СХВАТКА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

Наука – удивительная система знаний, поскольку в ней практически каждая единица знания претендует на роль «парадигмы» (образца). Это значит, что каждое уже добытое знание желает предстать идеальной моделью для любого другого знания в этой науке, – хоть старого, хоть нового.

Однако всякое ли знание может претендовать на статус «парадигмы»?

В роли парадигмы может выступить только такое знание, которое одновременно отвечает трем признакам: оно должно быть знанием предметного уровня, системного характера и методологического содержания. Совокупность этих трех признаков и придает парадигме фундаментальный статус.

Выдающуюся роль в каждой науке играют *фундаментальные парадигмы* – именно они обеспечивают устойчивость и преемственность в гносеологии данной науки. С этих позиций становится понятно, что обновить фундаментальную парадигму – это значит «перевернуть» данную науку, поскольку принципиально и неизбежно изменится представление о ее предмете, методе и теоретическом содержании.

Какой же силой достоверности и доказательности должно обладать новое знание, чтобы согнать старую парадигму с ее насиженного места! К тому же за каждой парадигмой – люди, которые когда-то возвели ее на пьедестал фундаментального знания, а если ее скинут, им-то куда деться? Вот вам и реальная политическая экономия, – кажется, что говоришь о парадигме, а приглядишься – живые люди с реальными материальными интересами!

Научная парадигма – это система теоретических ценностей, принятых в качестве исходных и фундаментальных оснований данной науки. Это означает, что в каждой науке имеется особый императив – требование единства в понимании ценностей данной науки. При отсутствии же такого единства наука распадается на противоречивые толкования одних и тех же явлений, представляя жалкое посмешище, когда одни утверждают прямо противоположное тому, что утверждают другие.

Развитие экономической теории включает, в основном, накопление и систематизацию новых фактов. Это своего рода «дескриптивный этап», который носит еще донаучный характер. Однако настоящее развитие экономической теории имеет иное содержание – фиксацию, доказательство реальности и теоретическое осмысление неизвестных ранее тенденций в функционировании и динамике общественного производства.

Но и здесь требуется уточнение – экономическую теорию интересуют не всякие тенденции, а фундаментальные, сущностные.

Какие же тенденции являются «фундаментальными»?

В гносеологическом аспекте – это такие тенденции, реализация которых способна изменить представления о предмете, методе и теории экономической науки. А на это способны только такие тенденции, которые неизбежно перерастут в закономерности (и далее – в законы).

При таком подходе в каждой отрасли научного знания можно зафиксировать изнурительное противостояние теоретиков и практиков. Но какого-то крайнего антагонизма оно периодически достигает необъяснимым образом только в науке экономической.

В ПОИСКАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Сегодня развитие экономики все в большей степени становится результатом рекомендаций эмпирических дисциплин: если теория господствовала в течение 1980-х и начале 1990-х годов, то в последние десять лет решение экономических проблем стало все чаще определяться конъюнктурными и политическими соображениями. Это свидетельствует о том, что в соотношении теории и практики маятник сегодня отклонился слишком далеко в сторону практики. Не случайно Джон М. Кейнс (*Keynes, 1939. P. 559 [Op. cit. Mookherjee, 2005. Pp. 3–4]*), сохранявший традицию глубоко недоверчивого отношения к статистике и сделавший, в частности, ряд едких замечаний относительно монографии Тинбергена³ (о статистической проверке его теории делового цикла), которые венчала саркастическая сентенция – «эконометрика скорее статистическая алхимия, чем наука» (*Mookherjee, 2005. P. 4*).

В то же время нельзя отрицать, что со времен дискуссии Кейнса – Тинбергена эконометрический анализ добился впечатляющих успехов. Во всяком случае, научный статус эконометрики мало кто ставит под сомнение.

Однако многие эмпирические исследования по-прежнему носят преимущественно описательный характер, и тем не менее их авторы стремятся представить дело так, будто имеют непосредственное отношение к выводам теории процесса развития и теории прогнозирования будущего. Многие из таких исследований выполнены в духе «антропологического» подхода и являются скорее «описанием ради описания». Но все-таки описание – это одно, а теоретический вывод – совсем другое; здесь мы сталкиваемся с тем, что Кейнс метко охарактеризовал как «скользящая проблема перехода от статистического описания к индуктивному обобщению». Поэтому теоретические исследования, как правило, получают сегодня оценку почти исключительно с точки зрения их непротиворечивости эконометрическим характеристикам, что зачастую наносит ущерб важности контекста или анализируемым вопросам. В результате актуальные теоретические исследования вынуждены переходить на частности изучаемого явления, вследствие чего теоретический анализ приобретает микроскопический характер.

Между тем, самим экономистам прекрасно знакома сила и слабость эмпиризма в экономической науке – «эмпирическая экономика хорошо изучает то, что уже произошло». Именно эту ограниченность и осознают уцелевшие экономисты-теоретики, которые хорошо понимают, что эмпирика – это наука о том, что было, а вот для ответа «на вопрос о том, что может произойти и что может быть, нам нужна теория. Мы должны позволить теории участвовать в понимании того, что произошло, то есть в понимании и самой эмпирической экономики».

ОТКУДА У ЭКОНОМИСТОВ «КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ»?

Экономическая наука занимает особое место в системе социального знания. Эту особенность необходимо выводить из «срединного» положения экономического знания между «чисто социальным» и «чисто естественнонаучным» знанием. Но что действительно роднит экономику с философией, социологией и политологией, так это присущая трем названным дисциплинам неуемная жажда самоутверждения в статусе науки, которая подвергается сомнению на протяжении всей истории их существования (особенно – в периоды социального и экономического кризиса). Вот почему экономический эмпиризм, как кажется прикладникам, важен тем, что он якобы способен удовлетворить всем формальным критериям научности, предъявляемым экономической науке, и тем выгодно придать ей ту эмпирическую строгость, которая никак не дается всем другим социальным наукам. С этой позиции, экономисты-эмпирики воображают, что эконометрика – тот «козырной туз», предъявив который научному сообществу, они заставят уважать и себя, и эмпирическое состояние экономической науки.

Таким образом, те атрибуты экономического анализа, которые драпируют его в многообразные экспериментальные и формализованные одеяния, те мощные устройства для сбора и обработки

³ «Towards the beginning of his well-known review of Jan Tinbergen's monograph on statistical testing of business cycle theories, Keynes writes: «He so clearly prefers the mazes of arithmetic to the mazes of logic, that I must ask him to forgive the criticisms of one whose tastes in statistical theory have been, beginning many years ago, the other way around» (*Mookherjee, 2005. Pp. 3–4*).

статистических данных, которые лежат в основе аналитических документов по экономике, зачастую просто заимствованы из области естественных наук, как и простодушно взятое «напрокат» естественнонаучных категорий.

Из этого следует, что экономистами до сих пор владеет своеобразный «комплекс неполноценности», вынуждающий их с особым рвением отдаваться эконометрическим экзерцициям, что фактически превратило развитие новейшей экономической науки в коллективную имитацию эмпирически-верифицируемых критериев истинности экономических знаний. Трудное восхождение к вершинам экономической теории, совершенное экономистами в период «от Смита – до Маркса», трансформировалось в неприлично-попьятное движение; даже позитивизм, не бог весть какая теоретическая высота, и тот умудрился вырождаться в эмпиризм, – таков бесславный путь экономической науки с середины XIX века по настоящее время.

Итог, скажем прямо, плачевный – и «естественнонаучной» дисциплиной не стали, и социальное начало утратили. Только этой утратой объясняется тот неопровержимый факт, что экономисты толпой бросаются от одной модной концепции к другой, что одни и те же проблемы обретают неподобающее для науки альтернативное толкование на протяжении чуть ли не веков (например, категориальные характеристики стоимостеобразующего процесса, оценки последствий государственного вмешательства в экономику, роль рыночных институтов).

Иногда буквально диву даешься – да сколько же еще можно противиться императивам эффективной экономики, обрекая экономическую науку на хождение по замкнутому порочному кругу, отрицая неэффективность государственного вмешательства в регулирование рынка, отрицая приоритет свободной торговли, попирая элементарные основы конкурентной организации экономики и не понимая необходимости беспощадной войны с протекционизмом и монополизмом?

Если экономической науке и суждено будет погибнуть, то вовсе не из-за сложности познаваемого объекта, а из-за эконометрического обслуживания потребностей чиновной бюрократии. Видимость противоборства различных парадигм на самом деле скрывает противоречие между объективной логикой движения научного (то есть – свободного!) экономического знания и служилым положением большинства экономистов, то, о чем давно и блистательно предупреждал великий Маркс.

Известные французские экономисты Жан-Люк Demeulemeester и Клод Diebolt в статье «Какова роль эмпирического исследования в области экономики?» отмечают, что экономическая наука, действительно, обычно делится на теоретическую и прикладную части. Далее авторы пишут – хотя клиометрия и является отраслью прикладной экономики, но многие настолько верят в ее самостоятельность, что допускают возможность «измерения без теории» (?). Однако сегодня даже историки согласны с тем, что сами по себе факты не в состоянии рассказать свою собственную историю. Эконометрическое моделирование сегодня основано более статистическими свойствами экономических процессов, чем их теоретической трактовкой. Авторы приходят к важному выводу – клиометрия является «вспомогательной» дисциплиной экономической науки, и в этом качестве должна быть частью багажа любого экономиста, но она не может существовать сама по себе.

Особая опасность эконометрики в том, что она способна покончить вообще с дискуссиями в экономической науке, ибо по поводу фактов дискуссировать нечего, – дискуссии в науке могут быть только относительно теоретической (концептуальной) интерпретации выявленных фактов.

УЖ ЛУЧШЕ НИКАКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, ЧЕМ ТАКАЯ

Но самую удивительную разновидность эмпирических экономических изысканий представляют собой работы по конкретике отечественной экономики. Смесь высокопарной пошлости с воинствующим игнорированием элементарных азов экономической теории, отождествление экономической статистики с экономической наукой, применение убогого «математического» аппарата, дальше пролонгации и подтасованной корреляции не заходящего, – такие исследования обычно легко удостоиваются официального признания (в виде издания «статей» и «монографий», а также утверждения в «ученой степени»), что в дальнейшем позволяет авторам подобных «исследований» уже официально распространять эмпирические миазмы на всю доступную им область экономики.

Типичный алгоритм лженаучного эмпиризма сводится к следующему.

Этап первый («постановочный») – торжественно, эпохально и раздумчиво звучит Великая Пошлость, исполняющая роль некоего концептуально-былинного «зачина», например, – «развитие социально-экономических систем характеризуется высокой степенью зависимости от функционирования производственных структур, влияние которых... усиливается». Почесав затылок, огорошенный читатель переводит глаза на следующий абзац – «специфика конкретных областей обусловлена наличием природных ресурсов и экономического потенциала, уровнем освоенности территории и ее заселенности». Нельзя сказать, чтобы отмеченная специфика не была обусловлена тем, на что указано, но и нельзя отрицать, что подобных фраз может быть сочинено неисчислимое множество.

Этап второй («вкладный») – приращение знания, как изящно именуется в официальных головах сей этап, состоит, например, в следующем – аргументирована система критериев и приоритетов структурной политики, включающая, с одной стороны, ресурсный потенциал, платежеспособный спрос, уровень жизни населения, развитую инфраструктуру, с другой – сельское хозяйство и заготовки, ряд отраслей промышленности, транспортный комплекс, а также туризм». Ждать от автора объяснения, каким непостижимым образом он, «с одной стороны», объединил «ресурсный потенциал» с «платежеспособным спросом», добавил туда «уровень жизни населения» и все это посыпал «развитой инфраструктурой», а, «с другой», «сельское хозяйство и заготовки», «ряд отраслей промышленности», «транспортный комплекс», «а также туризм», – ждать не приходится, ибо автор и сам не ведает, как ему такое удалось. Да его это и не волнует.

Этап третий («аналитический») – здесь приводится масса «экономического» и «статистического» текста, вызывающая у читателя (если таковой и найдется) какое-то умоисступление. Например: «Важнейшими сферами производственной деятельности являются производство товаров (сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; промышленность, включающая добычу полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство; другие виды) и производство услуг, прежде всего: оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; транспорта и связи; государственного управления и обеспечения безопасности; обязательного социального обеспечения; образования; здравоохранения и предоставления социальных услуг и др.». Извините, – и что из того, что «важнейшими сферами производства являются производство товаров и производство услуг»? То ли никто этого не знал, то ли что-то еще осталось за пределами «товаров и услуг»?

А вот и «корреляция» – «расчеты, с помощью корреляционно-регрессионного моделирования, показали, что на объем товарной продукции крестьянского, фермерского хозяйства оказывают существенное влияние обеспеченность сельскохозяйственной техникой и пашней». А что, до таких расчетов в этом были сомнения? И так далее, и так далее, и тому подобное...

Однажды Маркс, доведенный до отчаяния геллертерским языком Гегеля, изложил свою рецензию в одном слове – «Ужас!» В случае же знакомства с нашими эмпириками он бы вообще лишился дара речи.

Практика равнодушна к Теории, – к большой досаде последней. Зато Теория постоянно пристает к Практике, – к большому огорчению последней, становящейся полигоном для проверки экономических идей⁴.

Общественные науки, действительно, разделяют судьбу порождающего их общества. Но еще драматичнее коллизии «огосударственных» общественных наук, разделяющих судьбу подкармливающего их государства.

Общество нет необходимости «понуждать» к экономической теории, оно и так прибегает к ней для объяснения экономических реалий. В понуждении к экономической теории нуждаются... экономисты, в центре внимания которых должны, наконец, оказаться ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, только через призму которых и возможна экспертная оценка суетливой повседневности власти.

⁴ См. подр.: (Мамедов, 2008).

ЛИТЕРАТУРА

Мамедов О.Ю. (2003). Незванный эмпиризм – хуже схоластики // *Terra Economicus* (Экономический вестник Ростовского государственного университета), т. 1, № 3, с. 20–23.

Мамедов О.Ю. (2008). Кризис, экономисты и... народ // *Terra Economicus* (Экономический вестник Ростовского государственного университета), т. 6, № 3, с. 5–10.

Keynes J.M. (1939). Professor Tinbergen's Method // *Economic Journal*, vol. 49, no. 195, pp. 558–577. Review of A Method and its Application to Investment Activity, by Jan Tinbergen, Geneva: League of Nations, 1939.

Mookherjee D. (2005). Is There Too Little Theory in Development Economics Today? Revised, August 28 / In Banerjee A., Bardhan P., Basu K., Kanbur R. (ed.), Mookherjee D. (2005). New Directions in Development Economics: Theory or Empirics? A Symposium in Economic and Political Weekly // Available at: <http://www.arts.cornell.edu/poverty/kanbur/NewDirectionsDevEcon.pdf>.

REFERENCES

Keynes J.M. (1939). Professor Tinbergen's Method. *Economic Journal*, vol. 49, no. 195, pp. 558–577. Review of A Method and its Application to Investment Activity, by Jan Tinbergen, Geneva: League of Nations, 1939.

Mamedov O.Y. (2003). Unbidden empiricism is worse than scholastics! *Terra Economicus* (*Economic Herald of Rostov State University*), vol. 1, no. 3, pp. 20–23. (In Russian.)

Mamedov O.Yu. (2008). The crisis, the economists and ... the people. *Terra Economicus* (*Economic Herald of Rostov State University*), vol. 6, no. 3, pp. 5–10. (In Russian.)

Mookherjee D. (2005). Is There Too Little Theory in Development Economics Today? Revised, August 28 / In Banerjee A., Bardhan P., Basu K., Kanbur R. (ed.), Mookherjee D. (2005). New Directions in Development Economics: Theory or Empirics? A Symposium in Economic and Political Weekly. Available at: <http://www.arts.cornell.edu/poverty/kanbur/NewDirectionsDevEcon.pdf>.